

МАКС РОУЗ

В объятиях Водолея

Издательские решения

Макс Роуз

В объятиях Водолея

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8226472

ISBN 978-5-4474-0118-4

Аннотация

На переломе эпох, когда эра Водолея сменяет эру Рыб, наемный убийца по имени Натан, открывает в себе способности отделять сознание от физической оболочки. Вместе со своей возлюбленной он познает многоплановость мира, открывает неизвестные ранее стороны собственной личности и постигает совершенно иной уровень межличностных отношений. Как теперь использовать обретенные способности? Сможет ли запутавшийся в собственных стереотипах и привычках человек встать на путь развития и самосовершенствования, или останется во тьме невежества и станет причиной гибели человечества?

Макс Роуз

В объятиях Водолея

Эра определяет духовно-нравственные идеалы эпохи, указывают на возможность достижения признания присутствия божественного начала в самом человеке, прекращение проецирования этих идей во вне, на различных богов или богинь. Так же эра Водолея может указывать на идею достижения внутренней свободы, когда определяющим влиянием на выбор и жизненный путь человека будут оказывать его природа и предназначение, а не социальная обусловленность.
Материал из свободной энциклопедии «Википедия»

Мужчина стоял в паре метров от меня. Уже изрядно выпивший, с трудом удерживающий равновесие, он облокотился на раковину и посмотрел в зеркало. Несколько секунд он стоял неподвижно, изучая свое отражение, потом включил воду и стал умываться.

– Учитывая ваше состояние, могу предложить вам хороший абсорбент, – тоненьким голоском произнес медицинский автомат, – это средство выведет все токсины из организма и поможет прояснить разум.

Мужчина что-то прокряхтел в ответ, однако было слышно, как он сунул карточку в автомат и начал нажимать на кла-

виши.

– Спасибо что воспользовались услугами Центра здравоохранения. Удачного вам дня.

Он что-то пробормотал, а потом снова принялся умываться. Момент был самый подходящий, ждать другого не имело смысла. Я резким движением открыл дверь туалетной кабинки, в которой прятался, и напал на него: сначала ударил ребром ладони по шее, потом быстро развернул его громоздкое тело и нанес удар в переносицу, отчего он завалился назад и мешком упал пол.

Лежа на полу и прижимая рукой кровоточащий нос, мужчина очумело оглядел меня.

– Кто вы, черт возьми? – хрипло спросил он.

Я ничего ему не ответил, только засунул руку за пояс, вытащил «Мститель» с навинченным глушителем и направил ему в область груди. Мужчина сразу зашевелился и, забыв про свой нос, попытался встать, отталкивая меня. Его движения были хаотичны и сильно мешали мне, поэтому пришлось успокоить его сильным пинком в живот. Мужчина застонал и загнулся калачиком. Пинок в грудь заставил его снова разогнуться. Во избежание подобных инцидентов, я поставил ногу ему между ног и несильно надавил.

Он взвыл, и глаз потекли слезы. Только теперь я полностью разглядел его: на вид около сорока, средней длины волосы, намазанные чем-то блестящим, дорогой замшевый пиджак, начищенные туфли со шнурками и жалкая гримаса

страха и безнадежности на лице. Несмотря на все отвращение и презрение, которое я к нему испытывал, его манера одеваться в стиле ретро заслужила моего уважение.

Кроме нас здесь никого не было, на секунду стало очень тихо – был слышно лишь гул работающей вентиляции. Место было выбрано мной не случайно – мой клиент часто бывал в этом баре, предаваясь всем возможным вариантам порока, которых в этом месте было в избытке: любой наркотик, море амброзии, любые сексуальные удовольствия, причем не только традиционные. К тому же бар располагался в криминальном районе города и являлся важной его составляющей. В туалете постоянно находили трупов, один в неделю – точно, поэтому все располагало к тому, чтобы «поработать» с клиентом здесь.

– Нет, пожалуйста, не надо, – взмолился он, – у меня семья, у меня дочка...

– Я знаю, ее зовут Наташа, если не ошибаюсь?

На секунду в его взгляде проскользнуло удивление, но потом снова хлынули слезы, глаза его сузились настолько, что стал похож на азиата.

– Не бойтесь, мы просто поговорили. Она прекрасная девушка, только проблема в том, что она больше не считает вас своим отцом. Жена? Думаю, она только обрадуется вашей смерти, особенно после всех женщин, мужчин и... детей, с которыми вы спали.

Его лицо искривилось еще сильнее, он продолжал раз-

меренно выть, а потом разрыдался в полную силу. Отчаяние, безнадежность, безвыходность... человек так предсказуем, подобное поведение предугадать очень легко. И этот тип должен был умереть чисто по человеческим причинам, а не потому, что так решил заказчик. Я только что вспомнил этот момент, да-да, тот самый, за который этот субъект уж точно должен получить по заслугам.

Я выпрямился, навел пистолет ему на лоб, потом перевел в область руки. Раздался хлопок, из «Мстителя» выскользила гильза и с насыщенным звоном упала на кафельный пол. Мужчина протяжно вскрикнул, тут же схватил свою поврежденную руку другой рукой и поднес к груди. Я присел над ним, вытащил из его нагрудного кармана носовой платок и сунул ему в рот. От боли он сжал его так сильно, что послышался хруст зубов от чрезмерного давления. Средний палец, который раньше был единым целым с правой кистью теперь лежал на полу в луже крови.

– Когда я слышу, что в Церкви адепты так называемого «мира и любви» развращают маленьких мальчиков, то прихожу в ярость, но когда отец насилует свою дочь, это не заслуживает никакой пощады.

– Нет, нет...

– Нет? – взбесился вдруг я, – собственно, почему нет? неужели вы думаете, что *такое* вам сойдет с рук? Это низко и недостойно, так не поступают даже животные!

Какое-то странное чувство овладело мной. Странно, что

чувства вообще имели место быть: это непрофессионально, совсем не похоже на меня. Я выплеснул эмоции, хотя не должен был этого делать! Надо срочно взять себя в руки. Для этого я подумал о профессиональной стороне дела – сколько эонов я получу по выполнению задания, как буду готовить следующее дело и тому подобное. Даже вспомнил в деталях кабинет Паркера и «Мону Лизу», висящую в коридоре. Именно она вернула меня в рабочую атмосферу, остудив пыл и выключив эмоции.

Мужчина продолжал стонать и рыдать. Я перевел дыхание, глубоко вздохнул, проверил обойму, вставил ее обратно и перезарядил пистолет. Потом снова навел на него, теперь уже в область головы.

– Пожалуйста, – снова взмолился он, – ведь сегодня Новый год, новая эра. Я... я клянусь, Боже! Клянусь изменить-ся.

– Такие как вы никогда не изменяться! – крикнул я, – и эра Водолея не исправит вас! Ничто вас не исправит!

Я еще раз глубоко вздохнул, и, тем самым, окончательно привел мысли в порядок. Снова ровный поток, никакой тревоги, никаких эмоций вообще, только чистое сознание. Ровная линия. На моем лице появилась мягкая улыбка Моны Лизы.

– Извините за то, что сорвался. Ваш случай вполне подходит к вашему стилю. Кстати, вы знакомы с работами Зигмунда Фрейда? – спросил вдруг я, он не ответил, продолжая

стонать, – Видимо, вы так и не смогли пересилить свое влечение к матери и воплотили это в своей дочери. Предсказуемо!..

– Не надо! – высоким голосом завопил он, – не надо!..

– Никакого развития, – продолжал я свою странную речь, – а ведь оно должно быть, несмотря ни на что. Жан Пиаже говорил, что обучение плетется в хвосте у развития, а Выготский думал наоборот. Но сейчас я выдвигаю новую теорию. Настает момент, когда развитие прекращается, оно останавливается, а потом молниеносно падает на животный уровень и вы – первый мой наблюдаемый объект. Я обязательно упомяну вас в своей диссертации.

Раздался хлопок, потом еще два. Стоны затихли, единственным звуком было звонкое эхо упавших на пол гильз.

Я вышел из бара и, ступив на эскалатор, направился домой, хотя сейчас логичнее было бы поймать такси, отправиться в контору и забрать деньги. До нее эскалатор шел почти прямо, а до дома надо переходить минимум на три. Однако, решение было окончательным.

Сегодня у меня был выплеск эмоций, первый за несколько лет. Если его заметят, то решат, что я уже не гожусь для подобной работы. Чувства переполняли меня, я буквально начал мыслить через них. Мыслить так, как это делает сейчас большинство людей на планете.

Меня не покидали риторические вопросы, основанные на глупом желании получить хоть какой-то ответ: почему

люди бывают такими, как мой клиент? почему бывают инфантильные безумцы вроде моей бывшей жены? и почему есть такие как я? Ответов я, конечно, не получил, однако начал осознавать, что какая-то часть меня начала изменяться, а перемены всегда сопряжены с кризисом, особенно такие, которые не зависят от меня. Конечно, пока это было лишь смутным ощущением, почти незаметным, как быстро пронесшаяся тень перед глазами. Это было похоже на чувство предстоящей потери, но потеря здесь граничила с приобретением: что-то теряешь, что-то находишь, так всегда. Но что я теряю, а что приобретаю, оставалось загадкой.

Эскалатор начал разворачиваться, поэтому я сошел с него и перешел на другой. Здесь ко мне прицепился какой-то нищий с восторженной улыбкой на лице.

– Доброго вам здравия, господин!

– Перестань! – отрезал я, – какой я тебе господин?

– Вы – господин над самим собой. Радуйтесь! Эра Водолея вступает в свои законные права, наступает время приобретений и время счастья. Вы можете приблизить его.

Я только усмехнулся. Боже, старая песня!

– И как же?

– Вы конечно заметили перемены в мире. Еще как заметили! они никого не оставляют в стороне. Войн и Кризиса больше нет, нищета практически искоренена и люди наслаждаются жизнью. Вы можете помочь себе и всей Вселенной; помогите несчастному, который перед вами, несколькими эо-

нами.

Я глубоко вздохнул, залез в карман и вытащил эон-карту. Потом поднес ее к шее нищего и нажал на голографическом дисплее цифры 1 и 0.

– Десяти тебе должно хватить на то, чтобы как следует напиться.

Нищий отстранился и исподлобья посмотрел на меня. Кажется, он был сильно поражен и даже обижен моими словами, однако, я и не думал извиняться.

– Зря вы так. Я ведь совсем не принимаю амброзии. Эти деньги помогут мне протянуть еще немного, пока не наступит новая эра и мир в одночасье не измениться. Тогда я перестану нуждаться в деньгах и обязательно отблагодарю вас, господин.

– Не стоит утруждать себя, – бросил я и сошел с эскалатора.

Вечер наступил неожиданно. Буквально пару минут назад, когда я разговаривал с нищим, на улице светило солнце. Когда я оказался в своей квартире и подошел к окну, то смотрел уже на вечерний город, погруженный в бирюзовые сумерки.

Я нажал кнопку на раме и стекло мгновенно исчезло; теплый воздух улицы смещался с прохладой комнаты, оба этих потока обняли меня с разных сторон. Этот вечер был, вероятно, самым оживленным, который когда-либо видел Го-

род N за все время своего существования. Я глянул на соседние дома: света там практически не было, а, следовательно, в них не было людей. Однако улицы были сейчас морем огней, фонари светились как никогда ярко, в разных частях неба вспыхивали разноцветные фейерверки. Стоял гул, который все нарастал и нарастал – это все больше и больше людей, покидая свои дома, выходили на улицу. Один паренек из толпы заметил меня в оконном проеме. Потом он позвал своих друзей и вскоре добрый десяток человек стал хохотать над ненормальным, который в *такой* вечер остался дома. Я нажал на кнопку – снова появилось стекло, затем еще раз – и оно стало черным, оградив меня от окружающего мира.

Я лег на воздушный диван и, закрыв глаза, не заметил, как заснул. Проснулся и сразу глянул на старые аналоговые часы – без пятнадцати двенадцать. Я медленно встал, подошел к окну и снова убрал стекло. Людей в парке стало раз в пять больше, они, в данный момент потерявшие индивидуальности, слились для меня в одну аморфную массу и стали цельным организмом – толпой, жаждущей великих событий.

В доме напротив свет горел лишь в одной квартире: либо хозяева забыли выключить его, выбегая на улицу, либо там прячется кто-то похожий на меня – человек, которому все происходящее кажется нелепостью, ошибкой и полнейшим декадансом. Гул на улице усилился, уже не было слышно отдельных голосов, они слились в единый вой толпы. И этот вой выражал одно – всеобщее ликование в связи с этим пере-

ломным и поистине великим моментом для человечества – окончанием эры Рыб и переходом в эру Водолея.

По заверениям политиков, Новый год должен стать особенной вехой в истории; всемирное объединение, наконец, закончиться, знаменуя собой начало Золотого века. Немногочисленные из оставшихся ученых говорили о том, что этот год ознаменует собой окончательный крах научного мировоззрения. Для них стало очевидно, что человек пошел по другому пути познания, отличному от научного. Он начал понимать и осознавать всю бесконечность и многогранность Вселенной, те вещи, которые наука так и не смогла в полной мере объяснить. То же самое касалось и религиозных структур, которые всячески пытались собрать крупицы того, что осталось от их веры, однако им, в отличие от ученых, было гораздо труднее признавать, что религия уходит в историю.

У меня же не было конкретного мнения на счет того, что же ждет человечество в эру Водолея, особенно сейчас, когда до нее считанные минуты. По правде говоря, мне было все равно. Мой разум еще не был готов к такому переходу, и я не знал, будет ли он готов к изменениям вообще. Вся моя предыдущая жизнь была ровной, а теперь, когда человечество просто помешалось на этой глобальной смене жизненной парадигмы, я просто не мог найти себе места.

До полуночи оставалось десять минут, когда я услышал звонок терминала.

– Входящий звонок, – ровно сказал женский голос.

Я отошел от окна и подошел к видеофону.

– От кого?

– Это Марта.

Я вздохнул. Разговаривать с ней мне сейчас не хотелось. Несложно было предположить, о чем будет наш разговор, мне ужасно не хотелось общаться с ней, однако ради приличия ответить было нужно.

– Хорошо, – сказал я, – соединяй.

Голографическая панель замигала и через секунду на ней появилась фигура Марты. Она была одета в темное вечернее платье, на голове была экстравагантная завивка. Казалось, что все ее тело, усеянное мелкими стразами, сияло, излучая бледный свет. По обстановке вокруг я понял, что она находится в каком-то ресторане.

– Здравствуй, Натан! – воскликнула она, – с Новой эрой, дорогой!

Я кисло улыбнулся, потом выпрямился и сухо поздравил ее.

– Неужели тебе совсем некуда пойти? почему ты дома?

– Мест много, Марта. Я просто хочу побыть один.

– Смена эр происходит не каждый день. Как ты смотришь на то, чтобы приехать к нам, в «Репаблик»? Мы собрались коллективом из Академии, так что большинство ты сразу узнаешь.

У меня не было никакого желания встречаться с этими людьми. Они, сначала казавшиеся мне умными, мудрыми

и приятными в общении, с наступлением новой эры легко отказались от своих старых взглядов и стали похожи на детей, которым дали новую игрушку. Общения с ними я бы не смог стерпеть.

– Нет, Марта, я, пожалуй, останусь дома. Спасибо за приглашение.

Она еще некоторое время настаивала на том, чтобы я приехал, но решение было окончательным. Тогда она, немного разочарованная, но все же радостная, двинулась вперед и, насколько позволял голографический передатчик, подошла ко мне и обняла.

– Загадай желание, – сказала она, – самое сокровенное, и оно исполнится.

Я только усмехнулся.

– Ты странно говоришь для девушки, которая всю жизнь отдала на то, чтобы удержать науку на плаву!

– Мир меняется, и мы меняемся вместе с ним. Я уже давно не верю в науку и не стараюсь удержать и спасти ее. Академия уже не та, что раньше. Она изменилась, мир изменился. Если не изменишься и ты, то не будешь жить. Ты сам часто мне это говорил.

– Те ценности, по которым я жил, давно разрушены. А сейчас рушится весь мир, и никто не знает, что будет после. Пожалуй, я не рискну примкнуть к нему.

Она опустила взгляд, а потом отошла от меня.

– Я всегда видела в тебе потенциал, но ты ничего не дела-

ешь для его воплощения в жизнь, не развиваешь его. Поэтому мы и расстались.

– Хочешь сказать, что все из-за меня? – удивился я, – с моей стороны измен не было ни разу! если хотела поговорить об этом, надо было найти другое время. И еще – я до сих пор жду от тебя сигнатуры на бумагах о разводе.

С этими словами я прошел сквозь ее голограмму, подошел к пульту и отключил связь. Захотелось выпить, причем много. Я подошел к бару, взял стакан, как вдруг услышал бой курантов, отсчитывающих последние секунды уходящей эры. Я неосознанно задержал дыхание и замер, каждый удар раздавался в унисон с ударом моего сердца, к глазам подступили слезы.

И тогда мне открылось это чувство потери, которое я пережил несколько часов назад. Мне наконец стало ясно, что уходило из моей жизни – эта была сама жизнь, та жизнь, которой я жил до этого момента. Она безвозвратно покидала меня, и на ее месте не оставалось ничего. Я посмотрел на ликующую толпу за окном, на ту толпу, у которой все начиналось с чистого листа. Вместе с уходом эры Рыб в историю уходила и моя жизнь.

Внезапно раздался тихий высокочастотный треск. Я резко повернулся и увидел перед собой голограмму девушки в полный рост – виртуальный образ терминала, который я создал исходя из своего видения идеальной женщины (хотя до идеала она, конечно, не дотягивала). Она улыбнулась и протя-

нула ко мне руки, будто желая обнять.

– С Новой эрой, Натан!

Я, поставил так и не налитый стакан обратно и лег на диван. Итак, свершилось. Настал тот момент, который еще несколько лет назад я ждал как ребенок своего дня рождения, ведь тогда я действительно верил, что мир и люди изменятся к лучшему, перестанут впадать в крайности и придут к равновесию. Я надеялся, что к этому моменту у меня будет любимая жена и минимум два ребенка, а вместо этого – оружие вековой давности с пафосным названием – «Мститель» – и сухое поздравление, которое выдает мне терминал. Во мне больше не было любви и чувств, были только мысли и моя личная отгороженность и даже неприязнь к окружающему миру. Лучше уж встречать Новый год в обществе виртуальной девушки, чем в компании тех взрослых детей, которыми сейчас наводнены улицы городов.

Итак, старый мир погружался в забвение, новый еще не появился, и у людей не осталось никакой опоры, кроме смутной надежды на то, что все будет хорошо. Такой была Марта, она искренне надеялась на счастливое будущее, я же видел в нем только упадок. Рождение философии эры Водолея было нашим Большим взрывом, и мы начали с невероятной скоростью отдаляться друг от друга подобно галактикам.

Конечно, так было не всегда. Первый месяц после свадьбы все было замечательно – поездки, романтические ужины, регулярные занятия любовью. Мы наслаждались друг другом,

наслаждались миром вокруг нас и искренне верили в то, что это наслаждение продлится вечно. А потом все рухнуло, неожиданно и безвозвратно.

Секта, проповедавшая идеи эры Водолея, появилась еще в прошлом веке, однако с тех пор претерпела много изменений и стала настоящим общественным и даже политических движением, совсем как христианство в период своего расцвета. Люди скандировали странные лозунги, восхваляя приход новой эры и принижая все достижения и знания, полученные за сотни лет истории. Ценности стали лживыми и надуманными, а чувства и мысли – шаблонными и не содержащими жизни.

И Марта буквально с первого дня загорелась новым веянием. Наши разговоры, прежде окрашенные неподдельной любовью и романтизмом, начали сводиться к бесконечным ссорам; на место ласковых слов тепла и нежности пришла ругань, а на место понимания – безразличие. Марта двигалась вперед как безумная, даже не понимая самой сути этого движения. Я же остался верен своим ценностям и идеалам и, как следствие, стал ее противником. Я никак не мог понять, почему Марта так быстро и легко могла отказаться от той жизни, которой жила до Кризиса; то знание, которое я получил за всю жизнь, было для меня свято, это был уникальный опыт и променивать его на иллюзорные возможности новой эры я не собирался. За это Марта называла меня черствым и ригидным эгоистом, не желающим понять ни

ее, ни мир вокруг себя, а я же сравнивал ее с проституткой, которой неведомо понятие постоянства. Брань стала одним из главных факторов в наших отношениях, после чего мы расстались и я подал прошение о разводе.

Но настоящим поводом было другое событие, случившееся в то время, когда мы еще жили вместе. Терминал сообщил мне о том, что запечатлел Марту в одной из голографических трансляций по Всемирному телевидению. Программа рассказывала о новых способах изучения реальности, пришедших на смену научным, в частности про ритуал «Постижение». Если не прибегать к терминологии сторонников эры Водолея, то процесс сводился к следующему: тридцать человек, носившие звания магистров, устроили самую настоящую оргию прямо в актовом зале Академии... и среди них была моя жена. После этого она дала интервью, в котором очень ярко описала свои переживания во время этого бешеного полового акта, сказав о том, что никогда в жизни не чувствовала ничего подобного. А в момент оргазма, как она заявила, ей явился Бог. Когда она вернулась домой, то я не заметил ни единого намека на то, что ей стыдно, что она сожалеет об этом или раскаивается. Теперь подобное поведение стало в порядке вещей.

Праздники растянулись на целых 2 недели, в течение которых рабочий процесс в Городе N будто остановился. Ни у кого не возникало ни малейшего желания заняться ка-

ким-либо делом, люди веселились и праздновали приход новой эры, в общественных парках образовались палаточные городки, в которых ночью происходили массовые совокупления подобные тому, в котором участвовала Марта. Окна моей квартиры как раз выходили на один из таких парков. В одну из ночей я проснулся от визжащих криков, громких взрывов и яркого света фейерверков, пришлось встать, включить полную звукоизоляцию и затемнить окна. А на утро я увидел около полутысячи людей, уснувших траве в парке, и все, как один, без одежды. Видимо ночью был просто праздник эротики, все дикие и похотливые желания вырвались наружу. И этот поток уже не сдержать, такое будет происходить и дальше...

Я же был сосредоточен и терпеливо ждал окончания второй недели этого радостного ада. Практически не выходил из дома, смотрел стереограммы, читал и чистил «Мститель». Моя контора была еще закрыта, что меня очень сильно удивило; юристы – люди старого склада ума, и по идее адвокатские дома должны были открыться сразу же после основных двухдневных выходных. Но приказы Магистрата не обсуждались, и Паркер, не желая привлекать внимание к своей фирме, подчинился и объявил 2 недели.

Однако, Академия, где работала моя бывшая жена, открылась через неделю после наступления новой эры, приказ коснулся всех, но только не сферы образования; в тот момент я сожалел, что ушел оттуда: работа в данный момент спасла бы

меня и мое измученное сознание. Марта так и не подписала бумаги, и даже не выслала мне электронное подтверждение со своей сигнатурой, поэтому я, решив не дожидаться Паркера, отправился в Академию, чтобы самому решить данную ситуацию.

Академия дышала жизнью, движение в ней никогда не останавливалось, даже во времена, когда студентов не было. Я стоял около входа в главный корпус, который возвышался надо мной примерно метров на сто. Я удивился, почувствовав запах сирени и услышав спокойную релаксационную музыку, звучащую из динамиков. Имитация лета! как инфантильно! Люди на улице выглядели так, будто на них наложили какое-то заклятие – все стояли и улыбались, смотря в небо... как зомби. Музыка звучала где-то там, казалось, в небесах...

Я вошел в корпус, поднялся на третий этаж и вошел в кабинет Марты. Она выглядела почти так же, как когда я видел ее в последний раз: объемная экстравагантная прическа, короткое платье, туфли на высоком каблуке и – неизменный атрибут – широкая улыбка на лице. Как только она заметила мое появление в своем кабинете, то сразу одарила меня ей и бросилась обниматься.

– Натан! – воскликнула она, повиснув на моей шее, – как я рада тебя видеть! С новой эрой, дорогой!

Я поморщился (так, чтобы она не заметила) и отстранился; Только сейчас я заметил, что ее голос был схож с голо-

сом моего терминала, когда тот находится в режиме личного общения! Я чувствовал, что она действительно счастлива и рада меня видеть, такую лучезарную улыбку она никогда бы не смогла подделать.

– Как я рада, – повторила она, кивнув, – ты все-таки пришел.

– Да, – ответил я, – мне пришлось. Неужели нельзя было выслать сигнатуру?

– Я считала, что ты придешь потому, что тебе будет чем со мной поделиться, что ты откроешь для себя нечто новое в новой эре. Ну так?..

– Ничего подобного, – резко бросил я, – я пришел потому, что мне *нужно* тебя видеть, ибо процесс стоит на месте.

Она вздохнула и отошла к своему столу.

– Мой приход никак не было связан с тобой или с какими-то мифическими изменениями. Ничего не произошло, все по-прежнему.

Она пожала плечами.

– Очень жаль. Хорошо, что я – не ты, иначе умерла бы от скуки и тоски.

– Да, это точно! я уж никак не похож на тебя сегодняшнюю. Ты отреклась от себя, еще во время Кризиса...

– Хочешь сказать, что наш брак развалился только по этой причине? что я изменилась?

Я только пожал плечами.

– Ты прекрасно знаешь, почему он развалился! Я бы мо-

жет и принял со временем твои изменения. Изменения, Марта! не измену!

Она легко улыбнулась.

– Ты говоришь о ритуале Постижения?

– Уж не знаю как это у вас там называется. Говорю о той групповухе, в которой ты участвовала и которой так гордишься.

– Боже, ты так жалок!

Она села и многозначительно посмотрела на меня. Под этим взглядом я чувствовал себя в высшей степени неуютно. Она давила на меня: своей волей, эмоциями и странной новой мудростью. Она уже Великий Магистр, а я всего лишь убийца. Когда-то Марта была для меня опорой этого мира, мира, который сейчас так сильно давил на меня, что у меня почти не осталось сил сопротивляться.

Но мне было все равно. Я давно перестал ненавидеть людей за их чувства и идеалы. У меня оставался единственный вопрос к тем людям, которые меняли свой старый мир на новый: а знают ли они что такое этот новый мир?

– Я думаю, мы просто не любили друг друга... и все, – сказал наконец я, – давай не будем переливать из пустого в порожнее и выдумывать несуществующие причины. Я просто не люблю тебя.

– У тебя все те же старые понятия, то же однобокое и плоское понимание любви. Ты говоришь мне о ней, но даже не понимаешь что *это* такое на самом деле! Ты даже не пред-

ставляешь какие аспекты этого понятия можно узнать сейчас, даже не представляешь что можно почувствовать и испытать, погрузившись в Любовь!

– Я могу увидеть и проанализировать свои чувства. И я точно знаю, что чувствую к тебе.

Она пододвинулась и внимательно посмотрела на меня.

– И что же это? Неужели там нет хотя бы частички всеобъемлющей любви?

– Сомневаюсь, что в пустоте есть что-то кроме пустоты... – мрачно ответил я, – мои чувства к тебе – ничто, их просто нет. Сейчас я смотрю на тебя и не чувствую ничего, ни одного из тех чувств и переживаний, которые так волновали меня несколько лет назад. Ну разве только жалость, но это чувство у меня ко всему человечеству.

Она усмехнулась и покачала головой. Потом протянула ко мне руку и погладила по щеке.

– Тебе жалко человечество? нет, дорогой. Это человечеству жалко тебя. Но мир терпелив, когда ты будешь готов, он тебя примет.

Я сидел почти неподвижно, а Марта, не отрываясь, смотрела на меня.

– К чему ты стремишься, Натан? – спросила она, – знаешь ли ты к чему идешь?

Я усмехнулся, потом залез во внутренний карман пиджака. Странно, но именно сейчас мне захотелось выхватить «Мститель» и всадить пулю в голову Марты. Она – уже дав-

но не та, да и я не тот, каким был прежде. Мы стали абсолютно другими, настолько противоположными, что сойтись вновь просто не сможем, даже если очень захотим. Сейчас я искренне ненавижу ее, презираю и не видел на ее месте той, которую когда-то так страстно любил.

Снова этот порыв: яркие эмоции, готовые вырваться наружу! Стоп! надо срочно взять себя в руки, необходимо полное спокойствие и тотальный контроль. Эмоции вредны, они для меня – непозволительная роскошь.

Я на пару секунд закрыл глаза, глубоко вдохнул и, вместо того, чтобы достать оружие, я вытащил из кармана документы о разводе и бросил на ее стол. Она по-детски улыбнулась, однако, взяла бумаги и принялась отстраненно рассматривать.

– Все еще любишь бумагу? – ехидно заметила она, – ты никогда не изменишься.

– Лучше перелистовать листы, чем нажимать на кнопки, – парировал я, – больше вероятность, что материал останется в памяти.

– Старая теория. Старая и несостоятельная. При помощи современных технологий можно...

– Не надо мне говорить о том, что могут современные технологии, – отрезал я, – об этом мне прекрасно известно, но я всегда буду предпочитать материальные вещи виртуальным. Гораздо приятней любить по-настоящему, дружить по-настоящему, страдать по-настоящему, читать по-настояще-

му и убивать по-настоящему.

Последняя фраза вырвалась у меня сама собой. Я уж точно бы ее никогда не произнес, однако, к моему счастью, Марта не придавала ей никакого значения и просто улыбнулась.

– Можно подумать, ты когда-нибудь убивал кого-нибудь, Натан.

– Нас я смог убить, – выкрутился я, – подпиши бумаги и больше ты меня никогда не увидишь.

Она вздохнула, бросила последний взгляд на документы, потом отложила их и встала из-за стола.

– Прости, Натан, но я не могу этого сделать. У меня уже давно нет ручки. Отсканируй документы, заверь их у Стражи, а потом перешли мне; я поставлю свою сигнатуру.

– Мой адвокат уже давно это сделал, но ты, видимо, не просматриваешь свою почту.

Я залез во внутренний карман, вытащил золотой «Вотерман» и протянул ей. Марта только фыркнула в ответ.

– Сожалею, но писать я тоже разучилась, Натан.

Злость и ненависть все же взяли верх, я не в силах был сдержать их, как не в силах был предотвратить уничтожение Венеры. Я был готов взорваться в любой момент, выхватить из-за пояса пистолет и прикончить ее; снова сдержаться стоило мне невероятных усилий.

Манера поведения Марты была стандартна – она негативно относилась ко всему старому и фанатично проповедовала новое; спорить с ее взглядами было бессмысленно. Поэтому

я убрал ручку в карман, потом подошел к столу и забрал бумаги.

– Ты не хочешь разводиться, Марта? – спросил я.

– Я не настолько глупа, Натан. Если бы...

– Здесь речь не об уме или глупости! – крикнул я, – ты любишь меня или нет?

– Любовь... – задумчиво проговорила она, – да ты даже не знаешь что это такое. Задаешь мне вопрос, но вкладываешь в него совершенно не то, что я. Ты даже не представляешь...

Я чувствовал, что в третий раз сдержаться не получится. Переходить к крайним мерам совершенно не хотелось, поэтому я, стиснув зубы, как мне показалось, до хруста, поправил пиджак, развернулся и, недослушав ее, вышел.

Вечером Марта позвонила мне. На этот раз она была более или менее серьезна, однако, лучезарная улыбка не покидала ее лица.

– Боже, Натан! Зачем было так нервничать сегодня? Если бы только смог представить себе, что ждет нас в Новом мире! – с улыбкой произнесла Марта, – он даст нам безграничные и поистине божественные возможности. Мы станем...

– Мир ничего нам не даст, Марта, – ответил я, – ничего, пока мы сами не сделаем что-то для него.

– А разве мы не сделали? Больше нет войн, нет Кризиса и экономического хаоса. Эпидемия давно кончилась. Мы

спасли этот мир, и теперь он отвечает нам.

– Мы спасли самих себя, но никак не мир. Если бы смогли освоить межзвездные перелеты и не копошиться только в своей солнечной системе, то оставили бы Землю, однако колонии на Луне и Марсе – это все, что у нас есть. Мы спасли Землю только потому, что другого пути нет, но сделали это не потому, что любим нашу планету, а потому, что любим только себя.

– Ты неисправимый пессимист, Натан.

– Хорошо, что я это признаю, а ты никак не можешь. Я в очередной раз переслал тебе документы, поставь сигнатуру и оставь меня, наконец, в покое.

Я подошел к терминалу и нажал на кнопку отключения сеанса. Образ Марты мгновенно растворился, и на экране высветилась сумма моего оставшегося кредита за связь.

– У вас осталось менее ста эонов на счету, – сухо сказал женский голос терминала, – во избежание отключения от Всемирной сети рекомендую пополнить счет в ближайшее время.

– Переведи две тысячи, – ответил я и наклонился над небольшой квадратной коробочкой, располагавшейся справа от терминала.

Инфракрасный луч мгновенно прошелся по моей шее, отсканировал информацию с чипа и передал во Всемирную сеть.

– Благодарю вас, Натан. Эоны поступят на ваш счет неза-

медлительно.

– И тебе спасибо, что не дала мне сгинуть в забвении, – с усмешкой бросил я, – и, кстати, перейди в режим личного общения.

Терминал на секунду замолчал, потом из него полился звенящий и даже приятный голос.

– Хорошо, дорогой! Как я рада, что ты снова дал волю своим чувствам. Если хочешь, я поставлю для тебя одну очень откровенную стереограмму, от которой тебя сразу станет легче.

– Нет уж, спасибо, – разочарованно ответил я, – поставь что-нибудь успокаивающее и перейди в режим ожидания.

– Хорошо, мой любимый. Я буду с нетерпением ждать твоего возвращения. Наслаждайся.

Терминал пикнул и голос оборвался. Вместо него из динамиков, расставленных по всей квартире, полилась спокойная и ненавязчивая трансовая музыка.

– Включи режим определения порога звуковой чувствительности, – сказал я, и удалился в гостиную.

Разделся, подошел к бару и достал бутылку амброзии. Налил стакан доверху, сел на диван и погрузился в приятное расслабление. Перед внутренним взором пролетали эпизоды последних дней – задание в баре, новая эра, невыносимые праздники, встреча с Мартой... Именно встреча была для меня ключевым эпизодом, не важным, а просто ключевым. Развод был некой загвоздкой, который мешал мне двигаться

дальше. Марта останавливала меня и одновременно тянула с невероятной быстротой в пропасть.

Мы всегда были разные, поэтому изначально и сошлись. Однако, сейчас стали настолько далеки друг от друга, настолько противоположны и несовместимы, что снова быть вместе уже не можем. Кризис изменил наши мировоззрения, новая эра поставила нас по разные стороны жизни, а личная неприязнь и несовместимость ценностей заставили пойти на развод. Любовь взорвалась, подобно Венере, оставив после себя лишь облако пыли.

Венера стала символом спасения человечества от угрозы полного уничтожения: именно туда десять с лишним лет назад свезли все ядерное оружие. Маленькая планета не выдержала такого взрыва и за пару секунд превратилась в космическую пыль, образовав еще один пояс астероидов.

Уничтожение Венеры стало переломным событием в моей жизни. Человечество ликовало, все радовались тому, что опасности для Земли больше нет. Влюбленные сидели ночью на скамейках и с наслаждением взирали в ночное небо, созерцая то, что осталось от Венеры – теперь шлейф космической пыли на том участке звездного неба, где когда-то находилась планета, называли Венерианской туманностью.

Для человечества это событие стало символом мира и спокойной жизни. Для меня же это было началом конца. Я верил в космические силы, и понимал, что их нарушение приведет к еще большему краху, нежели все атомное оружие; гло-

бальное ликование – вещь проходящая, оно не продолжиться долго. После Кризиса все упивались этим мнимым спокойствием и радостью, которые давала иррациональность, доведенная до крайности. Им упиваются и до сих пор. А меня все еще не покидает ощущение чего-то ужасного. Человек уничтожил космический символ любви, погасил Вселенскую любовь и погряз в потоке невежества и незнания.

После всех этих событий, я уже не считал себя тем, кто должен был внести в мир равновесие и снова заставить разум и чувства существовать в гармонии. После Кризиса из глубины моей души вырвался какой-то неясный позыв – я должен был стать тем, кем никогда не хотел быть. Вместо того, чтобы учить людей науке о благопристойном и даже божественном поведении, я стал лишать их жизни и не тратить зря свое время, чтобы вбить в их головы то, чего они никогда не поймут.

Моя профессия стала никому не нужной; этика превратилась в нудную и бессмысленную науку, она стала бесполезной, если не сказать вредной, сдерживающей бесконтрольную энергию человека. Люди сменили контроль на до конца непонятную и хаотичную энергию чувств и эмоций. Они требовали нового, и это новое должно было проявиться немедленно, они устали от обещаний и рационального постоянства.

Хуже всего было то, что большинство методологов считало современное мировоззрение совмещающим в себе как

разум, так и чувства. На самом же деле большинство никак не анализировало свои поступки; на переломе эр люди стали просто жить, подобно древним грекам, наслаждаясь каждым моментом, а я считал себя тем, кто сможет удержать его от бессмысленного и хаотического движения, несмотря на цинизм моей новой «профессии».

Стакан с напитком уже опустел, поэтому я налил еще столько же. Тут ход моих мыслей прервал голос терминала:

– Натан, дорогой, извини, что отвлекаю, но ты помнишь, что тебе нельзя много пить? Амброзия довольно крепкий напиток. Надеюсь, ты помнишь о ее вреде для твоей печени?

Я только отмахнулся.

– Все в порядке. Выключи сенсоры наблюдения за организмом.

– Хорошо, но в таком случае Центр здравоохранения очень скоро позвонит, чтобы убедиться, что ты в порядке.

– Сымитируй голос и ответь за меня. Я не хочу ни с кем разговаривать.

– Хорошо, дорогой! А если с тобой захочет поговорить Стража?

– Думаю, ты что-нибудь придумаешь. Перейди, пожалуйста, в режим ожидания и дай мне отдохнуть.

– Не буду отвлекать тебя, милый. Отдыхай, я все сделаю. Терминал снова пикнул, и спокойная музыка продолжилась. Я быстро осушил второй стакан с амброзией, потом на-

лил третий, однако, не сделав ни глотка, поставил на стол, а сам лег и закрыл глаза.

Голова уже начала медленно кружиться, а музыка стала немного громче. Наверное, я выпил лишнего, мысли будто вращались по спирали, дыхание было неровным. Иногда я будто проваливался в пропасть, а потом резко поднимался ввысь.

Но это состояние не продлилось долго. Дыхание восстановилось, я дышал в такт неторопливой и спокойной мелодии, она легонько подхватила меня и подняла как будто над миром. Гнетущих мыслей (например, о Марте) больше не было, я полностью отдался расслаблению и мотиву музыки. Перед моим взором рисовались различные калейдоскопические картины, я не видел темноты, были только цвета. Они переливались, переходили один в другой, взрывались, сжимались, крутились. Я снова почувствовал головокружение, причем гораздо сильнее, чем в начале, однако глаза открывать не хотелось.

Внезапно кружение закончилось, а цвета, в последний раз поиграв между собой, резко слились и стали ярким белым светом. Что-то понесло меня вперед, быстро, даже оглушительно. Движение и свет стали сопровождаться пронзительным звуком, плавно переходящим в визг. И тогда, когда вынести его стало для меня невозможно, я открыл глаза.

Однако, вместо того, чтобы увидеть привычную обстановку комнаты, передо мной предстала бесконечная зеленая до-

лина, уходящая за горизонт. Солнце в чистом бирюзовом небе светило очень ярко, однако не слепило глаза и не жарило кожу. Подо мной вместо дивана была мягкая трава, вместо отопления – теплота солнца, а вместо музыки – пение птиц.

Но что это? сонный бред, созданный моим воображением и амброзией или нечто большее? Во всем этом не было надуманности или воображения, я ощущал запахи, видел и даже чувствовал предметы. Мое воображение никогда не рисовало передо мной таких картин. Обычно иллюзии растворялись, как только я подумывал об их иллюзорности, однако сейчас все было по-другому. Мир представал таким ярким, как на самой высококачественной голограмме, которую я когда-либо видел. И как я не пытался отогнать от себя иллюзорность этого яркого и насыщенного мира, я не мог этого сделать – он был настоящим.

Я дотронулся до своей кожи: по телу пробежала странная вибрация: это было совсем не похоже на обычные ощущения. Тоже касалось и зрения: я не мог полностью сфокусировать взгляд на каком-либо предмете. При малейшей попытке предметы расплывались перед моим взором, я не мог ухватить даже на секунду что-нибудь из этого удивительного мира. Однако, когда я не старался насильно сфокусировать взгляд, то мир сразу представал передо мной во всех мельчайших деталях – в обычной жизни все наоборот! И самым странным был он... силуэт, находившийся прямо пере-

до мной.

При малейшем усилии сфокусироваться он опять же расплывался, но что-то тянуло меня к нему, какая-то неведомая сила. И это желание понять дало мне энергии. Силуэт, стоявший передо мной, начал принимать человеческие очертания. Когда линии, наконец, четко очертились, я узнал его... А точнее ее.

Анна... девушка, которую я знал очень давно. С ней у меня были одни из самых странных и романтических отношений, таких которых, наверное, уже нет в современном мире. Можно сказать, что это были те чувства, которые не проходят со временем, о которых помнишь тогда, когда имеешь кучу детей и даже внуков, о которых не расскажешь своей жене, только, может быть, лучшему другу, которого у меня, конечно, не было. Эта была та, которую я любил всю жизнь, несмотря на приходящие влюбленности.

Она смотрела на меня прямо, почти не моргала и мягко улыбалась.

– Аня... – произнес я и тут же удивился своему голосу.

Он был приглушенным, однако четким и объемным и, казалось, исходил и всего вокруг, а не только из меня.

– Не пугайся, Натан. С твоим голосом все в порядке. Я тоже долго привыкала.

Мои разум и чувства начали растворяться в этом странном мире. Я начал ощущать что-то странное: приятное тепло, исходящее от Анны, которое вызывало в моем новом те-

ле страсть и неземное желание.

– Натан, – произнесла ласковым голосом Анна, – как давно я ждала встречи с тобой.

Мысли покидали меня и уносились в этот странный новый мир с невероятной быстротой, как будто я «терял» их в прямом смысле этого слова, как истекающий кровью. Я не мог уловить ни одной из них, однако сконцентрировался и вымолвил:

– Аня, я теряюсь, не могу думать...

– Ты должен собраться, Натан. Посмотри на меня и сконцентрируйся!

С огромным усилием я сделал так как она сказала: поднял свой расплывающийся взгляд и посмотрел ей прямо в глаза. Ощущение телесности так же начало покидать меня, как вдруг какой-то невероятный поток подхватил все мои чувства и мысли и собрал в одно целое. Я не ощутил никакого движения, однако знал, что вокруг меня происходят удивительные передвижения тех нематериальных частиц, которые составляли мою душу.

Взгляд стал ровным и нерасплывающимся, а мысли упорядоченными и ясными. Я дотронулся до своей кожи и ощутил ее такой, какой она была всегда. Единственно непривычной была удивительная акустика и вибрация этого мира.

– Аня, я... что со мной случилось? Я будто распался на части.

– Первый раз так всегда бывает, с непривычки.

Сконцентрировавшись, я вновь ощутил ту страсть и то манящее тепло, исходившее от Анны, поэтому, не теряя ни мгновения, решил двинуться к ней на встречу. Однако, не успел я сделать и шага, как ощутил непреодолимый барьер.

– погоди! Тебе еще рано передвигаться здесь. Сначала привыкни к обстановке, а потом сможешь делать поистине удивительные вещи.

– Но ведь это сон... – отчаянно сказал я, – очень странный и необычный сон.

– Ты прав, но только отчасти. Ты видишь сновидение, но наша встреча внутри него абсолютна реальна. Это другой уровень нашего мира, уровень эмоций, эфирный мир. Физически ты спишь. Я уже много времени думаю о тебе, но никак не могу войти в твои сны. Они... они, мягко говоря, шокируют. Я никак не могла в них пробиться. Но сегодня ты увидел этот прекрасный сад, и я не могла не прийти сюда...

Я с трудом верил в реальность происходящего. Она говорила о практически невозможных вещах, о так называемом астральном плане существования, о путешествиях вне тела. И, выходит, сейчас я сделал это, сделал, совершенно не задумываясь и не желая.

Человечество, скандирующее лозунги во славу эры Водолея, считало способность покидать физическую оболочку даром, которым обладали лишь единицы, это было сокровище, которого пытались достичь тысячи так называемых

«пророков» в новой эре. Основная идеология была во всеобщем слиянии, в соединении всех астральных тел в одно единое. И кажется нелепым и странным, что, этот дар достался мне – убийце, который когда-то в детстве верил в существование Бога и души, а сейчас стал ярким рационалистом. В детстве все смеялись надо мной, когда я говорил об этом; сейчас же все грезят путешествиями вне тела! Как они могут желать то, чего даже не понимают и не могут ощутить?.. этот невероятный, захватывающий новый мир, он такой *новый*...

– Что? – протянул я, – хочешь сказать, что я смог выйти в... астральный план?

– Правильнее сказать, ты в преддверье этого плана; сновидение можно назвать дверью между двумя мирами.

– Как же я смог это сделать? Это нелепая случайность!

Аня мягко улыбнулась.

– Ты же знаешь, что нет ничего случайного. Тебя позвала я. Это было предопределено, разве ты не помнишь? Десять лет назад ты сказал мне, что ничего не происходит случайно, что события, которые происходят в нашей жизни – это цепь, звенья которой мы куем сами. Когда-то наши звенья переплелись, образовав красивую, но не прочную цепь.

– ... и тогда я сказал тебе, что спустя десять лет мы снова встретимся и попробуем восстановить эту цепь, сделать ее еще более прекрасной и прочной, – закончил я.

Она улыбнулась и кивнула.

– Несмотря ни на что...

– Да.

Ее тепло снова окутало меня и в этот момент мне показалось, что я коснулся ее своими чувствами. Это было непередаваемое ощущение, несравнимое ни с чем земным. Как же глупы люди, когда говорят, что понимают чувства другого, как они далеки от истины!..

– Ты же помнишь, как я хотела летать? Тогда, давно, когда ты предлагал мне бросить все и начать путешествовать вместе... я отказалась. Но потом, на переломе эпох я поняла, что мое призвание не в физическом мире, а в эфирном.

– Аня, – медленно и напевно протянул я, – как же я хочу дотронуться до тебя... Пожалуйста.

Снова попытка двинуться вперед – и снова неудача, непреодолимая стена энергии, которая так и не исчезла.

– Подожди немного, Натан. Прошу тебя. Мы обязательно обнимемся, когда ты будешь готов. Мы обязательно увидимся здесь снова. Я искала тебя очень долго, и этот мир оказался наилучшим местом для нашей встречи.

– Я не уверен, что это продлится долго. Как мне найти тебя, в смысле в материальном мире?

– Сомневаюсь, что это возможно... – печально ответила она.

– Я не могу понять. Ты только что говорила о том, что мы снова можем переплести наши жизни, слить их в одну. Так почему же ты отказываешься?

– Думаю, ты и сам знаешь почему. Потому же, почему

и раньше. Причина всегда одна. Когда-то я была замужем, теперь ты женат.

– Откуда ты... – начал было я свой вопрос, но потом решил, что смысла спрашивать нет, в этом мире все иначе, – неважно. Это ничего не меняет. Я развожусь.

Анна не ответила, она пару секунд помолчала и начала потихоньку отходить от меня.

– Ты научил меня очень многому, Натан. Спасибо тебя за это, и за ту любовь, которую ты мне дал. Десять лет прошло, мы нашли друг друга, и мы снова расстаемся. Думаю, этот мир – единственное, что нам дано.

Я выпрямился, приложил все свои усилия и снова попытался сделать шаг вперед. Мир давил на меня всей своей мощью, той силой, которую я еще не понял, однако которой из всех сил сопротивлялся. Под моими усилиями защита, которую выставила Анна, начала слабеть.

– Нет! я не отпущу тебя, только не после того, что ты сказала. Аня, ты нашла меня, помогла мне покинуть физическую оболочку, и теперь, после всего сказанного, ты отказываешься от меня?

Она вздохнула и отошла еще дальше.

– Я люблю тебя, Натан, – тихо сказала она, – люблю, как никого другого...

Внезапно ее образ потускнел и начал искажаться. Она будто растворялась в окружающем мире, и я понял, что она уходит обратно в материальный мир.

– Аня! Стой! не оставляй меня!

Я сделал последний решающий рывок, защита поддалась, и меня резко бросило вперед. Я понял, что вишу в воздухе, в нескольких сантиметрах от земли.

– Прости, Натан... – сказала Аня.

Она уже почти исчезла, когда я рванулся вперед и попытался схватить ее тусклый силуэт. В этот момент что-то сильно оттолкнуло меня, и я снова упал на землю. Тогда она окончательно исчезла. Вслед за ее уходом начал исчезать весь мир. Небо потеряло краски и стало серым, цвет теряла вся окружающая среда. Потом начали искажаться контуры и очертания, и тогда какая-то сила закрутила меня и начала уносить в неведомую пустоту. Тогда я, испытав тот дикий страх, который переживает человек, падая с огромной высоты, проснулся.

Первый раз посетил адвокатскую контору «Паркер-энд-Макнамара», когда твердо решил на развод. После Кризиса почти все юристы остались не у дел: теперь люди, твердо уверовавшие в безграничные перспективы, которые открывала новая эра, предпочли решать свои дела самостоятельно, не обращаясь к помощи третьих лиц. Адвокаты были теми людьми, для которых новое время было в тягость, ибо они не захотели менять свои убеждения, как впрочем, и я. Марта, погруженная в новую жизненную философию, конечно, предложила решить все самим, но я был против и настоял

на том, чтобы обратиться в Магистрат.

Возможно, поэтому мы с Бенджамином Паркером так быстро нашли общий язык, и, можно сказать, стали лучшими друзьями прямо в день знакомства.

– Мне необходим хороший адвокат, – прямо сказал я, – действительно хороший, а не тот, которого мне предоставляет Магистрат. Насколько я знаю, в вашей конторе работают лучшие юристы.

Паркер мягко улыбнулся и пододвинул стул ближе ко мне.

– Вы абсолютно правы. Скажу больше – еще ни один из наших клиентов не остался недоволен. Но прежде чем мы продолжим, ответьте мне – зачем вам нужен адвокат? Неужели вы не можете решить все сами?

– Если бы хотел все решить сам, то не пришел бы к вам. Это дело будет достаточно сложным, так как развестись хочу только я, а моя жена не хочет.

– Значит вот оно что, – заключил после недолгого молчания Паркер, – и самостоятельного решения, как я понял, хочет она?

Я кивнул.

– А вы, значит, не желаете мириться с последствиями Кризиса?

– Вижу, и вы тоже?

Паркер хитро усмехнулся.

– Верно. Мы – юристы – люди рационального склада мышления, да и жизни. А какова ваша профессия, Натан?

– Я доктор философии, преподаю этику в Академии.

– Я всегда считал, что философам интересен факт смены мировоззрений. Чем вас не устраивает современное?

– Не приемлю неосмысленную жизнь, окрашенную слоем гедонизма, – резко ответил я, – и презираю людей, готовых отказаться от прежней жизни в пользу глупой неизвестности.

Паркер исподлобья посмотрел на меня и нахмурился, потом откинулся на спинку своего огромного кресла и широко улыбнулся. Я почувствовал себя в высшей степени неуютно, ибо решил, что у него в моем отношении есть какие-то тайные далекоидущие планы, однако старался вести себя спокойно и расслабленно. Паркер медленно поднялся и подошел к книжному шкафу. Только сейчас я оценил его истинный рост – невысокий, даже маленький, сгорбленный и на первый взгляд комичный, но за этим глупым внешним видом явно скрывалось что-то большее.

– Вы любите читать, Натан? – спросил он, погладив корешок одной из книг.

– Да, очень.

– Как видите, у меня достаточно обширная библиотека.

– Впечатляет, – равнодушно ответил я, – однако тут нет интересующей меня литературы.

Паркер повернулся и внимательно посмотрел на меня.

– Вы так быстро смогли оценить мои книги?

Я усмехнулся и откинулся на спинку кресла.

– Я вообще быстро оцениваю обстановку. Ваша библиотека – сплошной неоренессанс, попытка совмещения старого и нового взгляда на вещи. Неоригинальная философия, честно говоря. Единственная книга, которая производит впечатление, так это «Государь» Макиавелли.

Паркер нахмурился, вздохнул и облокотился на стеллаж.

– Конец восемнадцатого века. Знаете, мне ее подарил мэр. Еще лет пятьдесят назад она бы стоила целое состояние, но теперь расценивается лишь как очень красивый подарок. Настало странное время. Я думаю, что будь я в Париже, то без проблем скупил бы половину Лувра!

– Сейчас всем наплевать на искусство.

– Именно. И это чрезвычайно грустно. Спасибо вам за прямолинейность, Натан, и за вашу наблюдательность. Немногим это свойственно. У меня другой вопрос – как вы, в таком случае, относитесь к выпивке?

– Равнодушно.

– Ну вы же не откажетесь от стаканчика, так?

Я пожал плечами.

– Не откажусь.

Паркер повернулся к стеллажу, взял том Макиавелли и потянул за корешок. Книжный шкаф затрещал, пришел в движение и начал медленно отодвигаться в сторону. Через несколько секунд книги исчезли за стеной, а на их месте появился огромный бар с десятками разноцветных бутылок разной формы. Паркер снова повернулся ко мне, потом вы-

прямился и, явно гордый своим баром, улыбнулся.

– Что желаете?

Я не слишком хорошо разобрался в алкоголе, поэтому растерялся и оставил выбор за ним.

– Очень хорошо, – радостно произнес он, взял вытянутую бутылку с переливающейся розовой жидкостью внутри и два бокала.

– Что это? – удивленно спросил я.

– Это, друг мой, напиток богов, – сказал Паркер, наливая искрящуюся розовую жидкость в бокал, – у нас его называют амброзией.

Он протянул мне бокал, однако я только отшатнулся.

– Легальный наркотик?

– Бросьте, Натан, – спокойно сказал он, протягивая бокал, – вы же знаете, что все, о чем говорят в новостях – ложь. Амброзия просто помогает видеть мир... ну, немного по-другому, чем нам его преподносят, поэтому об этом напитке столько разговоров. Пейте! смелее!

Я неуверенно взял бокал и сделал глоток. Напиток будто затрещал и зашипел у меня во рту, однако через мгновение я ощутил приятную сладость, сравнимую со вкусом клубники. Самое удивительное было то, что я не ощутил в нем ни грамма алкоголя.

– Ну как? – весело спросил Паркер.

– Не дурно, – ответил я, – на наркотик несколько не похоже.

– А я вам что говорил! В таком случае тост – за дальнейшее сотрудничество и возможную дружбу, на которую я искренне надеюсь.

Раздался звон бокалов, мы выпили до дна.

С того дня я начал увязать в компании все глубже и глубже. Мы ежедневно связывались друг с другом, и Паркер уверял меня, что работает над моим делом, однако процесс шел медленно. За все время он общался с Мартой всего один раз, однако заверил меня, что этого вполне достаточно для того, чтобы выиграть дело. Она же встретила с ним неохотно, однако при встрече, как он сказал, сияла и неподдельно радовалась жизни.

– Складывается такое впечатление, что она не хочет разводиться, – сказал мне тогда Паркер, – а еще, что она до сих пор любит вас.

– Рад за нее, – буркнул я.

После этого мы никогда не возвращались к этому разговору. Паркер занялся судебной стороной дела, а мне оставалось только ждать.

Тем временем у меня катастрофически не хватало денег, и Паркер об этом догадывался. Сначала я оплачивал счета вовремя, а потом все чаще и чаще начал просить отсрочки. В один из дней, когда он снова выставил мне счет, мы вместе ужинали в ресторане. Он сделал это так легко и ненавязчиво, что я растерялся. Официант как раз принес второе блюдо, когда Паркер протянул мне исписанный бланк.

– О, кстати! Держи, это квитанция.

Я неуверенно положил вилку и автоматически принял бумагу. Паркер нахально улыбнулся и, сложив руки вместе, замолчал. Я же, держа в руке счет, не знал, что делать дальше – сумма была в два раза больше предыдущей.

– Простите, Бенджамин, но...

Паркер только отмахнулся.

– Не переживай, Натан. Я все понимаю, у тебя тяжелое время. Однако, у меня есть идея.

– Какая же?

– Ты уже нашел работу?

Я глубоко вздохнул.

– Нет еще. Думаю, для меня работы не будет еще очень долго.

– А чем ты планируешь заняться? Неужели снова преподавать? Не собираешься же ты снова наступать на одни и те же грабли – нести истину туда, где она никому не нужна?

– К сожалению, больше я ничего не умею.

– Чепуха! Ты способен здраво оценивать ситуацию и замечать любые мелочи. Знаешь, будь ты агентом Стражи, из тебя бы вышел отличный шпион. Короче, я хочу предложить тебе работу, у нас как раз появилась... хм, вакантная должность.

Я почувствовал себя несколько неуверенно и порядочно растерялся от такого предложения. Конечно, мы были знакомы уже полгода, и я просто страстно желал перенестись

в тот день, когда он предложит мне хоть какую-нибудь работу, но предложение было сделано уж слишком неожиданно. Сам я никогда не просил его об этом, уж слишком много честолюбия было во мне.

– И на какую же должность вы меня возьмете?

– О, все достаточно просто, – он прищурился и хищно посмотрел на меня, – нужно будет устранять конкурентов.

Я отпил немного воды и внимательно посмотрел на Паркера.

– Что вы имеете в виду под «устранением»?

Видимо, он уловил мой серьезный тон, поэтому в следующую секунду выпрямился и рассмеялся.

– Ну уж не то, о чем ты подумал, Натан! Все мирно и... с наилучшими намерениями, так сказать.

– Что-то не убеждает, – недоверчиво сказал я, – а как по деньгам?

– Могу сказать одно: если будешь выполнять работу хорошо и качественно, то одной трети твоего месячного заработка хватит на то, чтобы перекрыть все накопившиеся долги.

Тогда перспективы искренне обрадовали меня: работа была достаточно легкая, хотя приходилось много ходить по разным фирмам и проводить бесконечные переговоры, однако потраченные усилия с лихвой окупались в материальном эквиваленте – через три месяца я уже смог позволить себе приличную квартиру в центре, правда, заняв четверть суммы у компании. Судебное дело по моему разводу почти под-

ходило к концу – документы были готовы, осталось лишь пара подписей у главного судьи из Верховного Магистрата и подпись Марты. Однако развод стал волновать меня гораздо меньше чем раньше.

Дел было достаточно много, а на выходных, если такие и были, мы с Паркером и ближайшим окружением выбирались на совместный отдых; особенно в фирме ценилась охота. Именно тогда я научился стрелять и настолько хорошо преуспел в этом деле, что это стало моим хобби. Я обзавелся «Мстителем» и стрелял постоянно, как только выдавалась свободная минутка. Сам процесс захватывал меня, а пистолет стал для меня вершиной инженерной мысли, в которой каждая деталь идеально дополняла другую.

Вот так, в общем-то, и началась моя новая жизнь, в которой я, заменив круг людей на круг вещей, стал тем, кем стал – человеком, прерывающим чужие жизни, тем, кто, стоя на границе двух эр, не принадлежал ни к одной из них. Я никогда не задавал вопросов, просто убивал и не чувствовал ни раскаяния, ни угрызений совести. Этих понятий больше не существовало в моем мире.

Итак, вот что вкратце можно рассказать о конторе «Паркер-энд-Макнамара» : она была одной из самых известных компаний Города N, предоставлявшей частные адвокатские услуги, и авторитет и уважение были заработаны вполне заслужено – Паркер не врал, ни один из клиентов, которых обслуживали тамошние юристы, не оставался разоча-

рован. Возможно, так было потому, что только 15% клиентов действительно обслуживались как подобает – судебные прения, разбирательства, иски, вердикты и прочая юридическая чушь. Их обслуживали как надо и денег требовали соответствующе, но они в последствие оставались довольны. Остальные 85% оставались довольны потому, что были мертвы...

Подпольная деятельность компании была связана напрямую с Кризисом Идеалов. Когда человеческие ценности начали кардинально меняться, адвокатский бизнес практически угас, так как большинству не было никакого дела до каких-то там судебных разбирательств. Люди, воодушевленные приходом новой эры, вдруг начали решать все проблемы сами, сначала неумело и по-детски, но потом научились находить выход практически из любой ситуации, не прибегая к помощи третьих лиц. Рациональность и холодный расчет, которым славились юристы, отошли на второй план, уступив место дикой иррациональности и инфантильному позитивному настрою. Проблемы не решались как таковые, люди просто находили из них самый простой выход. В основном это был просто уход от реальности и подмена сущности проблемы чем-то другим. Проще говоря, они, наплевав на решения как таковое, занимались чем-то сторонним – находили утешение в наслаждениях, детской радости и так называемой «подготовкой себя к объятиям Водолея».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.